

РУССКАЯ ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

Сборник Русская любовная лирика

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10016905

*Русская любовная лирика. Вторая половина XIX – первая половина XX
века: Фолио; Харьков; 2006
ISBN 978-966-03-4592-8*

Аннотация

«Есть книга вечная любви...» Эти слова как нельзя лучше отражают тему сборника, в который включены лирические откровения русских поэтов второй половины XIX – первой половины XX века – от Полонского, Фета, Анненского до Блока, Есенина, Цветаевой. Бессмертные строки – о любви и ненависти, радости и печали, страсти и ревности, – как сто и двести лет назад, продолжают волновать сердца людей, вознося на вершины человеческого духа.

Содержание

Алексей Константинович Толстой	6
«Средь шумного бала, случайно...»	6
«Не ветер, вея с высоты...»	9
«Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре...»	10
«С тех пор как я один, с тех пор как ты далеко...»	12
«Осень. Обсыпается весь наш бедный сад...»	13
«На нивы желтые нисходит тишина...»	15
«То было раннею весной...»	17
Алексей Ермилович Разоренов	19
«Не брани меня, родная...»	19
Яков Петрович Полонский	22
Колокольчик	22
Утрата	24
Поцелуй	26
«Заплета свои темные косы венцом...»	28
Афанасий Афанасьевич Фет	29
«Не отходи от меня...»	29
«На заре ты ее не буди...»	30
«Шепот, робкое дыханье...»	32
«Какие-то носятся звуки...»	34
«Только встречу улыбку твою...»	36
«Сияла ночь. Луной был полон сад.	37

Лежали...»	
«Я тебе ничего не скажу...»	38
«Нет, я не изменил. До старости глубокой...»	39
«Когда читала ты мучительные строки...»	40
Алексей Михайлович Жемчужников	41
«Странно! мы почти что незнакомы...»	41
«Если б ты видеть могла мое горе...»	42
Аполлон Николаевич Майков	44
«Порывы нежности обуздывать умея...»	44
«Точно голубь светлою весною...»	46
Голос в лесу	48
Николай Алексеевич Некрасов	49
«Да, наша жизнь текла мятежно...»	49
«Я не люблю иронии твоей...»	53
«О письма женщины, нам милой!...»	54
Прости	56
Аполлон Александрович Григорьев	58
Из цикла «Борьба»	58
«Я ее не люблю, не люблю...»	58
«Я измучен, истерзан тоскою...»	59
«Прощай, прощай! О, если б знала ты...»	60
«Мой ангел света! Пусть перед тобою...»	61
«О, говори хоть ты со мной...»	65
Из «Импровизаций странствующего романтика»	68
«Твои движенья гибкие...»	68

Иван Саввич Никитин	70
«Как мне легко, как счастлив я в тот миг...»	70
«Не повторяй холодной укоризны...»	71
Алексей Николаевич Плещеев	73
Элегия	73
Василий Степанович Курочкин	75
В разлуке	75
Константин Константинович Случевский	76
«Возьмите все – не пожалею!..»	76
«Не погасай хоть ты, – ты, пламя золотое...»	78
Алексей Николаевич Апухтин	79
«Мне не жаль, что тобою я не был любим...»	79
Любовь	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

**Русская любовная лирика.
Вторая половина XIX –
первая половина XX века**

**Алексей Константинович Толстой
1817–1875**

«Средь шумного бала, случайно...»

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты;

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь,

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя – я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

«Не ветер, вея с высоты...»

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной —
Моей души коснулась ты:
Она тревожна, как листья,
Она, как гусли, многострунна!
Житейский вихрь ее терзал
И сокрушительным набегом,
Свистя и воя, струны рвал
И заносил холодным снегом;
Твоя же речь ласкает слух,
Твое легко прикосновенье,
Как от цветов летящий пух,
Как майской ночи дуновенье...

<1851 или 1852 (?)>

«Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре...»

Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре —
О, не грусти, ты все мне дорога!
Но я любить могу лишь на просторе —
Мою любовь, широкую, как море,
Вместить не могут жизни берега.

Когда Глагола творческая сила
Толпы миров воззвала из ночи,
Любовь их все, как солнце, озарила,
И лишь на землю к нам ее светила
Нисходят порознь редкие лучи.

И, порознь их отыскивая жадно,
Мы ловим отблеск вечной красоты;
Нам вестью лес о ней шумит отрадной,
О ней поток гремит струею хладной
И говорят, качаяся, цветы.

И любим мы любовью раздробленной
И тихий шепот вербы над ручьем,
И милой девы взор, на нас склоненный,
И звездный блеск, и все красы вселенной,
И ничего мы вместе не сольем.

Но не грусти, земное минет горе,
Пожди еще – неволя недолга, —
В одну любовь мы все сольемся вскоре,
В одну любовь, широкую как море,
Что не вместят земные берега!

<1858>

«С тех пор как я один, с тех пор как ты далеко...»

С тех пор как я один, с тех пор как ты далеко,
В тревожном полусне когда забудусь я,
Светлей моей души недремлющее око
И близость явственней духовная твоя.

Сестра моей души, с улыбкою участия
Твой тихий, кроткий лик склоняется ко мне,
И я, исполненный мучительного счастья,
Любящий чую взор в тревожном полусне.

О, если в этот час ты также им объята,
Мы думою, скажи, проникнуты ль одной
И видится ль тебе туманный образ брата,
С улыбкой грустною склоненный над тобой?

«Осень. Обсыпается весь наш бедный сад...»

Осень. Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтелые по ветру летят;
Лишь вдали красуются, там на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грею я и жму,
В очи тебе глядячи, молча слезы лью,
Не умея высказать, как тебя люблю!

<1858>

«На нивы желтые нисходит тишина...»

На нивы желтые нисходит тишина,
В остывшем воздухе от меркнущих селений,
Дрожа, несется звон... Душа моя полна
Разлукою с тобой и горьких сожалений.

И каждый мой упрек я вспоминаю вновь,
И каждое твержу приветливое слово,
Что мог бы я сказать тебе, моя любовь,
Но что внутри себя я схоронил сурово.

«То было раннею весной...»

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий;

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила...

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды —
О жизнь! О лес! О солнца свет!
О юность! О надежды!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый, —
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
О счастье! О слезы!
О лес! О жизнь! О солнца свет!
О свежий дух березы!

Май 1871

Алексей Ермилович Разоренов 1819–1891

«Не брани меня, родная...»

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его,
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилось со мной,
Что так рвется ретивое
И терзается тоской.

Все оно во мне изныло,
Вся горю я, как в огне,
Все немило, все постыло,
И страдаю я по нем.

В ясны дни и темны ночи,
И во сне и наяву
Слезы мне туманят очи,
Все летела б я к нему.

Мне не нужны все наряды,
Ленты, камни и парчи,
Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное зажгли.

Сжался, сжался же, родная,
Перестань меня бранить,
Знать, судьба моя такая,
Что должна его любить.

1880

Яков Петрович Полонский

1819–1898

Колокольчик

Улеглася метелица... путь озарен...
Ночь глядит миллионами тусклых очей...
Погружай меня в сон, колокольчика звон!
Выноси меня, тройка усталых коней!

Мутный дым облаков и холодная даль
Начинают яснеть; белый призрак луны
Смотрит в душу мою – и былую печаль
Наряжает в забытые сны.

То вдруг слышится мне – страстный голос поет,
С колокольчиком дружно звеня:
«Ах, когда-то, когда-то мой милый придет —
Отдохнуть на груди у меня!»

У меня ли не жизнь!.. чуть заря на стекле
Начинает лучами с морозом играть,
Самовар мой кипит на дубовом столе,
И трещит моя печь, озаряя в угле,

За цветной занавеской кровать!..
У меня ли не жизнь!.. ночью ль ставень открыт,
По стене бродит месяца луч золотой,
Забушует ли вьюга – лампада горит,

И, когда я дремлю, мое сердце не спит
Все по нем изнывая тоской».
То вдруг слышится мне, тот же голос поет,
С колокольчиком грустно звеня:

«Где-то старый мой друг?.. Я боюсь, он войдет
И, ласкаясь, обнимет меня!
Что за жизнь у меня! и тесна, и темна,
И скучна моя горница; дует в окно.

За окошком растет только вишня одна,
Да и та за промерзлым стеклом не видна
И, быть может, погибла давно!..
Что за жизнь!.. полинял пестрый полога цвет,

Я больная брожу и не еду к родным,
Побранить меня некому – милого нет,
Лишь старуха ворчит, как приходит сосед,
Оттого, что мне весело с ним!..»

Утрата

Когда предчувствием разлуки
Мне грустно голос ваш звучал,
Когда, смеясь, я ваши руки
В моих руках отогревал,
Когда дорога яркой далью
Меня манила из глуши —
Я вашей тайною печалью
Гордился в глубине души.

Перед непризнанной любовью
Я весел был в прощальный час,
Но – Боже мой! с какою болью
В душе очнулся я без вас!
Какими тягостными снами
Томит, смущая мой покой,
Все недосказанное вами
И недослушанное мной!

Напрасно голос ваш приветный
Звучал мне, как далекий звон,
Из-за пучины: путь заветный
Мне к вам навеки прегражден, —
Забудь же, сердце, образ бледный,
Мелькнувший в памяти твоей,
И вновь у жизни, чувством бедной,

Ищи подобья прежних дней!

1857

Поцелуй

И рассудок, и сердце, и память губя,
Я недаром так жарко целую тебя —

Я целую тебя и за ту, перед кем
Я таил мои страсти – был робок и нем,
И за ту, что меня обожгла без огня,
И смеялась, и долго терзала меня.
И за ту, чья любовь мне была бы щитом,
Да, убитая, спит под могильным крестом.

Все, что в сердце моем загоралось для них,
Догорая, пусть гаснет в объятьях твоих.

<1863>

«Заплетя свои темные косы венцом...»

Заплетя свои темные косы венцом,
Ты напомнила мне полудетским лицом
Все то счастье, которым мы грезим во сне,
Грезы детской любви ты напомнила мне.

Ты напомнила мне зноем темных очей
Лучезарные тени восточных ночей —
Мрак цветущих садов – бледный лик
при луне, —
Бури первых страстей ты напомнила мне.

Ты напомнила мне много милых теней
Простотой, темным цветом одежды твоей.
И могилу, и слезы, и бред в тишине
Одиноких ночей ты напомнила мне.

Все, что в жизни с улыбкой навстречу мне шло,
Все, что время навек от меня унесло,
Все, что гибло, и все, что стремилось
любить, —
Ты напомнила мне. – Помоги позабыть!

14 сентября 1864

Афанасий Афанасьевич Фет 1820–1892

«Не отходи от меня...»

Не отходи от меня,
Друг мой, останься со мной.
Не отходи от меня:
Мне так отрадно с тобой...

Ближе друг к другу, чем мы, —
Ближе нельзя нам и быть;
Чище, живее, сильнее
Мы не умеем любить.

Если же ты – предо мной,
Грустно головку склоня, —
Мне так отрадно с тобой:
Не отходи от меня!

«На заре ты ее не буди...»

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что скользя затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди,
На заре она сладко так спит!

<1842>

«Шепот, робкое дыханье...»

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца.
Ряд волшебных изменений
Милого лица.

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

«Какие-то носятся звуки...»

Какие-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью.
Полны они томной разлуки,
Дрожат небывалой любовью...

Казалось бы, что ж? Отзвучала
Последняя нежная ласка,
По улице пыль пробежала,
Почтовая скрылась коляска...

И только... Но песня разлуки
Несбыточной дразнит любовью,
И носятся светлые звуки,
И льнут к моему изголовью...

«Только встречу улыбку твою...»

Только встречу улыбку твою
Или взгляд уловлю твой отрадный, —
Не тебе песнь любви я пою,
А твоей красоте ненаглядной.

Про певца по зарям говорят,
Будто розу влюбленную трелью
Восхвалять неумолчно он рад
Над душистой ее колыбелью.

Но безмолвствует, пышно-чиста,
Молодая владычица сада:
Только песне нужна красота,
Красоте же и песен не надо.

«Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...»

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем
дрожали,
Как и сердца у нас за песнию твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна – любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна – вся жизнь, что ты одна —
любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

«Я тебе ничего не скажу...»

Я тебе ничего не скажу,
Я тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу.
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

2 сентября 1885

«Нет, я не изменил. До старости глубокой...»

Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокий,
Еще горит в моей крови.
Хоть память и твердит, что между нас могила,

Хоть каждый день бреду томительно
к другой, —
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.

Мелькнет ли красота иная на мгновенье,
Мне чудится, вот-вот тебя я узнаю;
И нежности былой я слышу дуновенье,
И, содрогаясь, я пою.

2 февраля 1887

«Когда читала ты мучительные строки...»

Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льет кругом
И страсти роковой вздымаются потоки, —
Не вспомнила ль о чем?

Я верить не хочу! Когда в степи, как диво,
В полночной темноте безвременно горя,
Вдали перед тобой прозрачно и красиво
Вставала вдруг заря.

И в эту красоту невольно взор тянуло,
В тот величавый блеск за темный весь
предел, —
Ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
Там человек сгорел!

15 февраля 1887

**Алексей Михайлович
Жемчужников
1821–1908**

**«Странно! мы почти
что незнакомы...»**

Странно! мы почти что незнакомы —
Слова два при встречах и поклон...
А ты знаешь ли? К тебе влекомый
Сердцем, полным сладостной истомы, —
Странно думать! – я в тебя влюблен!

Чем спасусь от этой я напасти?..
Так своей покорна ты судьбе,
Так в тебе над сердцем много власти...
Я ж, безумный, думать о тебе
Не могу без боли и без страсти...

«Если б ты видеть могла мое горе...»

Если б ты видеть могла мое горе —
Как ты жалела б меня!
Праздник встречать мне приходится вскоре
Нашего лучшего дня...

Словно мне вести грозят роковые,
Словно я чую беду...
Милая, как же наш праздник впервые
Я без тебя проведу?

В день незабвенный союза с тобою —
Счастья погибшего день —
Буду вотще моей скорбной мольбою
Звать твою грустную тень.

Пусто мне будет. В безмолвьи глубоком
Глухо замрет мой призыв...
Ты не потужишь о мне, одиноком,
Нашу любовь позабыв.

Я же, томим безутешной кручиной,
Помню, чем праздник наш был...
Жизни с тобой я черты ни единой,
Друг мой, еще не забыл.

24 февраля 1876

Аполлон Николаевич Майков

1821–1897

«Порывы нежности обуздывать умея...»

Порывы нежности обуздывать умея,
На ласки ты скупа. Всегда собой владея,
Лелеешь чувство ты в безмолвии, в тиши;
В святилище больной, тоскующей души...
Я знаю, страсть в тебе питается слезами.
Когда ж, измучена ревнивыми мечтами,
Сомненья, и тоску, и гордость победа,
Отдашься сердцу ты, как слабое дитя,
И жмешь меня в своих объятиях, рыдая, —
Я знаю, милый друг, не может так другая
Любить, как ты! Нет слов милее слов твоих.
Нет искреннее слез и клятв твоих немых,
Красноречивее – признанья и укора,
Признательнее нет и глубже нету взора,
И нет лобзания сильнее твоего,
Которым бы сказать душа твоя желала,
Как много любишь ты, как много ты страдала.

«Точно голубь светлую весною...»

Точно голубь светлую весною,
Ты веселья нежного полна,
В первый раз, быть может, всей душою
Долго сжатой страсти предана...

И меж тем, как музыкою счастья
Упоен, хочу я в тишине
Этот миг, как луч среди ненастья,
Охватить душой своей вполне.

И молчу, чтоб не терять ни звука,
Что дрожат в сердцах у нас с тобой, —
Вижу вдруг – ты смолкла, в сердце мука,
И слеза струится за слезой.

На мольбы сказать мне, что проникло
В грудь твою, чем сердце сражено,
Говоришь: ты к счастью не привыкла
И страшит тебя – к добру ль оно?..

Ну, так что ж? Пусть снова идут грозы!
Солнце вновь вослед проглянет им,
И тогда страдания и слезы
Мы опять душой благословим.

Голос в лесу

Давно какой-то девы пенье
В лесу преследует меня,
То замирая в отдаленье,
То гулко по лесу звеня.

И, возмущен мечтой лукавой,
Смотрю я в чашу, где средь мглы
Блестят на солнце листья, травы
И сосен красные стволы.

Идти ль за девой молодой?
Иль сохранить, в душе тая,
Тот милый образ, что мечтою
Под чудный голос создал я?..

Николай Алексеевич Некрасов

1821–1877/78

«Да, наша жизнь текла мятежно...»

Да, наша жизнь текла мятежно,
Полна тревог, полна утрат,
Расстаться было неизбежно —
И за тебя теперь я рад!

Но с той поры как все кругом меня пустынно!
Отдаться не могу с любовью ничему,
И жизнь скучна, и время длинно,
И холоден я к делу своему.

Не знал бы я, зачем встаю с постели,
Когда б не мысль: авось и прилетели
Сегодня наконец заветные листы,
В которых мне расскажешь ты:

Здорова ли? что думаешь? легко ли
Под дальним небом дышится тебе,
Грустишь ли ты, жалея прежней доли,
Охотно ль повинешься судьбе?

Желал бы я, чтоб сонное забвенье
На долгий срок мне на душу сошло,
Когда б мое воображенье
Блуждать в прошедшем не могло...

Прошедшее! его волшебной власти
Покорствуя, переживаю вновь
И первое движенье страсти,
Так бурно взволновавшей кровь,

И долгую борьбу с самим собою,
И не убитую борьбою,
Но с каждым днем сильней кипевшую любовь.
Как долго ты была сурова,
Как ты хотела верить мне,
И как и верила, и колебалась снова,

И как поверила вполне!
(Счастливым день! Его я отличаю
В семье обыкновенных дней;
С него я жизнь мою считаю,
Я праздную его в душе моей!)
Я вспомнил все... одним воспоминаньем,

Одним прошедшим я живу —
И то, что в нем казалось нам страданьем, —
И то теперь я счастьем зову...

А ты?.. ты так же ли печали предана?..
И так же ли в одни воспоминанья
Средь добровольного изгнанья
Твоя душа погружена?

Иль новая роскошная природа,
И жизнь кипящая, и полная свобода
Тебя невольно увлекли?
И позабыла ты вдали

Все, чем мучительно и сладко так порою
Мы были счастливы с тобою?
Скажи! я должен знать... Как странно я люблю!
Я счастья тебе желаю и молю,
Но мысль, что и тебя гнетет тоска разлуки,
Души моей смягчает муки...

1850

«Я не люблю иронии твоей...»

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и не жившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим, —
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она не далека:
Кипим сильнее, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны...

«О письма женщины, нам милой!..»

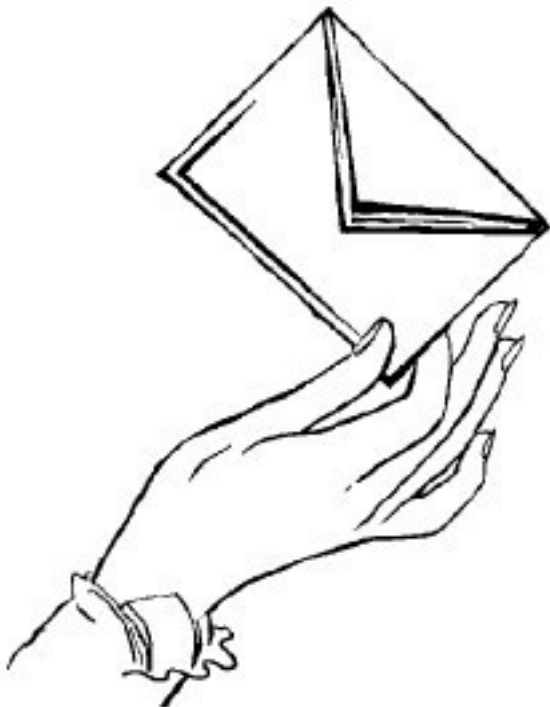
О письма женщины, нам милой!
От вас восторгам нет числа,
Но в будущем душе унылой
Готовите вы больше зла.
Когда погаснет пламя страсти
Или послушаетесь вы
Благоразумья строгой власти
И чувству скажете: увы! —

Отдайте ей ее посланья
Иль не читайте их потом,
А то нет хуже наказанья,
Как задним горевать числом.
Начнешь с усмешкою ленивой,
Как бред невинный и пустой,
А кончишь злобою ревнивой
Или мучительной тоской...

О ты, чьих писем много, много
В моем портфеле берегу!
Подчас на них гляжу я строго,
Но бросить в печку не могу.
Пускай мне время доказало,
Что правды в них и проку мало,
Как в праздном лепете детей,

Но и теперь они мне милы —
Поблекшие цветы с могилы
Погибшей юности моей!

1852

Прости

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья, —
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

Но дни, когда любви светило
Над нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь, —
Благослови и не забудь!

Аполлон Александрович Григорьев 1822–1864

Из цикла «Борьба»

«Я ее не люблю, не люблю...»

Я ее не люблю, не люблю...

Это – сила привычки случайной!

Но зачем же с тревогою тайной

На нее я смотрю, ее речи ловлю?

Что мне в них, в простодушных речах

Тихой девочки с женской улыбкой?

Что в задумчиво-робко смотрящих очах

Этой тени воздушной и гибкой?

Отчего же – и сам не пойму —

Мне при ней как-то сладко и больно,

Отчего трепещу я невольно,

Если руку ее на прощанье пожму?

Отчего на прозрачный румянец ланит

Я порою гляжу с непонятною злостью
И боюсь за воздушную гостью,
Что, как призрак, она улетит.

И спешу насмотреться, и жадно ловлю
Мелодически-милые, детские речи;
Отчего я боюсь и жду с нею встречи?..
Ведь ее не люблю я, клянусь, не люблю.

<1853, 1857>

«Я измучен, истерзан тоскою...»

Я измучен, истерзан тоскою...
Но тебе, ангел мой, не скажу
Никогда, никогда, отчего я,
Как помешанный, днями брожу.

Есть минуты, что каждое слово
Мне отравя твоё и что рад
Я отдать всё, что есть дорогого,
За пожатые руки и за взгляд.

Есть минуты мучений и злобы,
Ночи стонов безумных таких,
Что, бог знает, не сделал чего бы,
Лишь упасть бы у ног у твоих.

Есть минуты, что я не умею
Скрыть безумия страсти своей...
О, молю тебя – будь холоднее,
И меня и себя пожалей!

1857

«Прощай, прощай! О, если б знала ты...»

Прощай, прощай! О, если б знала ты,
Как тяжело, как страшно это слово...
От муки разорваться грудь готова,
А в голове больной бунтуют снова
Одна другой безумнее мечты.

Я гнал их прочь, обуздывая властью
Моей любви глубокой и святой;
В борьбу и в долг я верил, веря счастью;
Из тьмы греха исторгнут чистой страстью,
Я был царем над ней и над собой.

Я, мучаясь, ревнуя и пылая,
С тобою был спокоен, чист и тих,
Я был с тобою свят, моя святая!
Я не роптал – главу во прах склоняя,
Я горько плакал о грехах своих.

Прощай! прощай!.. Вновь осужден узнать я

На тяжкой жизни тяжкую печать
Не смытого раскаяньем проклятья...
Но, испытавший сердцем благодать, я
Теперь иду безропотно страдать.

1857

«Мой ангел света! Пусть перед тобою...»

Мой ангел света! Пусть перед тобою
Стихает всё, что в сердце накопит;
Немее всё, что без тебя порою
Душе тревожной речью говорит.

Ты знаешь всё... Когда благоразумной,
Холодной речью я хочу облечь,
Оледенить души порыв безумный —
Лишь для других не жжется эта речь!

Ты знаешь всё... Ты опускаешь очи,
И долго их не в силах ты поднять,
И долго ты темней осенней ночи,
Хоть никому тебя не разгадать.

Один лишь я в душе твоей читаю,
Непрошенный, досадный чтец порой...
Ты знаешь всё... Но я, я также знаю
Всё, что живет в душе твоей больной.

И я и ты равно друг друга знаем,
А между тем наедине молчим,
И я и ты – мы поровну страдаем
И скрыть равно страдание хотим.

Не видясь, друг о друге мы не спросим
Ни у кого, хоть спросим обо всем;
При встрече взгляда лишнего не бросим,
Руки друг другу крепче не пожем.

В толпе ли шумной встретимся с тобою,
Под маскою ль подашь ты руку мне —
Нам тяжело идти рука с рукою,
Как тяжело нам быть наедине.

И чинны ледяные наши речи,
Хоть, кажется, молчать нет больше сил,
Хоть так и ждешь, что в миг подобной встречи
Всё выскажешь, что на сердце таил.

А между тем, и ты и я – мы знаем,
Что мучиться одни осуждены,
И чувствуем, что поровну страдаем,
На жизненном пути разделены.

Молились мы молитвою единой,
И общих слез мы знали благодать:
Тому, кто раз встречался с половиной

Своей души, – иной не отыскать!

1857

«О, говори хоть ты со мной...»

О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!

Вон там звезда одна горит
Так ярко и мучительно,
Лучами сердце шевелит,
Дразня его язвительно.

Чего от сердца нужно ей?
Ведь знает без того она,
Что к ней тоскою долгих дней
Вся жизнь моя прикована...

И сердце ведает мое,
Отравую облитое,
Что я впивал в себя ее
Дыханье ядовитое...

Я от зари и до зари
Тоскую, мучусь, сетую...
Допой же мне – договори
Ты песню недопетую.

Договори сестры твоей
Все недомолвки странные...
Смотри: звезда горит ярчей...
О, пой, моя желанная!

И до зари готов с тобой
Вести беседу эту я...
Договори лишь мне, допой
Ты песню недопетую!

<1857>

Из «Импровизаций странствующего романтика»

«Твои движенья гибкие...»

Твои движенья гибкие,
Твои кошачьи ласки,
То гневом, то улыбкою
Сверкающие глазки...
То лень в тебе небрежная,
То – прыг! поди лови!
И дышит речь мятежная
Всей жаждою любви.

Тревожная загадочность
И ледяная чинность,
То страсти лихорадочность,
То детская невинность,
То мягкий и ласкающий
Взгляд бархатных очей,
То холод ужасающий
Язвительных речей.

Любить тебя – мучение,
А не любить – так вдвое...

Капризное творение,
Я полон весь тобою.
Мятежная и странная —
Морская ты волна,
Но ты, моя желанная,
Ты киской создана.

И пусть под нежной лапкою
Кошачьи когти скрыты —
А все ж тебя в охапку я
Схватил бы, хоть пищи ты...
Что хочешь, делай ты со мной,
Царапай лапкой больно,
У ног твоих я твой, я твой —
Ты киска – и довольно.

Готов я все мучения
Терпеть, как в стары годы,
От гибкого творения
Из кошачьей породы.
Пусть вечно когти разгляжу,
Лишь подойду я близко.
Я по тебе с ума схожу,
Прелестный друг мой – киска!

6 февраля 1858, Città dei Fiori

Иван Саввич Никитин

1824–1861

«Как мне легко, как счастлив я в тот миг...»

Как мне легко, как счастлив я в тот миг,
Когда, мой друг, речам твоим внимаю
И кроткую любовь в очах твоих,
Задумчивый, внимательно читаю!
Тогда молчит тоска в моей груди
И нет в уме холодной укоризны.
Не правда ли, мгновения любви
Есть лучшие мгновенья нашей жизни!
Зато, когда один я остаюсь
И о судьбе грядущей размышляю,
Как глубоко я грусти предаюсь,
Как много слез безмолвно проливаю!

1850

«Не повторяй холодной укоризны...»

Не повторяй холодной укоризны:
Не суждено тебе меня любить.
Беспечный мир твоей невинной жизни
Я не хочу безжалостно сгубить.
Тебе ль, с младенчества не знавшей огорчений,
Со мною об руку идти одним путем,
Глядеть на зло и грязь и гаснуть за трудом,
И плакать, может быть, под бременем лишений,
Страдать не день, не два – всю жизнь свою
страдать!..

Но где ж на это сил, где воли нужно взять?
И что тебе в тот час скажу я в оправданье,
Когда, убитая и горем и тоской,
Упреком мне и горькою слезой
Ответишь ты на ласки и лобзанье?
Слезы твоей себе не мог бы я простить...
Но кто ж меня бесчувствию научит
И, наконец, заставит позабыть
Все, что меня и радует и мучит,
Что для меня, под холодом забот,
Под гнетом нужд, печали и сомнений, —
Единая отрада и оплот,
Источник дум, надежд и песнопений?..

Алексей Николаевич Плещеев

1825–1893

Элегия

(На мотив одного
французского поэта)

Да, я люблю тебя, прелестное создание,
Как бледную звезду в вечерних облаках,
Как розы аромат, как ветерка дыханье,
Как грустной песни звук на дремлющих водах;

Как грезы я люблю, как сладкое забвенье
Под шепот тростника на берегу морском, —
Без ревности, без слез, без жажды упоенья:
Любовь моя к тебе – мечтанье о былом...

Гляжу ль я на тебя, прошедшие волненья
Приходят мне на ум, забытая любовь
И все, что так давно осмеяно сомненьем,
Что им заменено, что не вернется вновь.

Мне не дано в удел беспечно наслаждаться:

Передо мной лежит далекий, скорбный путь;
И я спешу, дитя, тобой налюбоваться,
Хотя на миг душой от скорби отдохнуть.

<1846>

Василий Степанович Курочкин 1831–1875

В разлуке

Расстались гордо мы; ни словом, ни слезою
Я грусти признака тебе не подала.
Мы разошлись навек... но если бы с тобою
Я встретиться могла!

Без слез, без жалоб я склонилась пред судьбою.
Не знаю: сделав мне так много в жизни зла,
Любил ли ты меня... но если бы с тобою
Я встретиться могла!

<1856>

**Константин
Константинович Случевский
1837–1904**

«Возьмите все – не пожалею!...»

Возьмите все – не пожалею!
Но одного не дам я взять —
Того, как счастлив был я с нею,
Начав любить, начав страдать!

Любви роскошные страницы —
Их дважды в жизни не прочесть,
Как стае странствующей птицы
На то же взморье не присесть.

Другие волны, нарождаясь,
Дадут отлив других теней,
И будет солнце, опускаясь,
На целый длинный год старей.

А птицам в сроки перелетов
Придется убыль понести,

Убавить путников со счетов
И растерять их по пути...

1884

«Не погасай хоть ты, – ты, пламя золотое...»

Не погасай хоть ты, – ты, пламя золотое,
Любви негаданной последний огонек!
Ночь жизни так темна, покрыла все земное,
Все пусто, все мертво, и ты горишь не в срок!
Но чем темнее ночь, сильней любви сиянье;
Я на огонь иду, и я идти хочу...
Иду... Мне все равно: свои ли я желанья,
Чужие ль горести в пути ногой топчу,
Родные ль под ногой могилы попираю,
Назад ли я иду, иду ли я вперед,
Неправ я или прав, – не ведаю, не знаю
И знать я не хочу! Меня судьба ведет...
В движеньи этом жизнь так ясно ощутима,
Что даже мысль о том, что и любовь – мечта,
Как тысячи других, мелькает мимо, мимо,
И легче кажутся и мрак, и пустота...

Алексей Николаевич Апухтин

1840–1893

«Мне не жаль, что тобою я не был любим...»

Мне не жаль, что тобою я не был любим, —
Я любви не достоин твоей!
Мне не жаль, что теперь я разлукой томим, —
Я в разлуке люблю горячей;

Мне не жаль, что и налил и выпил я сам
Унижения чашу до дна,
Что к проклятьям моим и к слезам, и к мольбам
Оставалася ты холодна;

Мне не жаль, что огонь, закипевший в крови,
Мое сердце сжигал и томил, —
Но мне жаль, что когда-то я жил без любви,
Но мне жаль, что я мало любил!

1870-е годы

Любовь

Когда без страсти и без дела
Бесцветно дни мои текли,
Она как буря налетела
И унесла меня с земли.

Она меня лишила веры
И вдохновение зажгла.
Дала мне счастье без меры
И слезы, слезы без числа...

Сухими, жесткими словами
Терзала сердце мне порой,
И хохотала над слезами,
И издевалась над тоской;

А иногда горячим словом
И взором ласковых очей
Гнала печаль – и в блеске новом
В душе светила моя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.